

4 апреля 1980 г. № 28 [3348] ◀

ТЕНЬ ТЕАТРА

В начале спектакля юные зрители сидели тихо, выжидающе смотрели на сцену. Постепенно интерес и происходящему заметно прибавился. Ребята начали вертеться, разговаривать друг с другом, и когда в финале зажегся свет и актеры с куклами вышли на сцену... в зале не раздалось ни одного хлопка. Ребята дружно Устремились к выходу. Почему же необыкновенные приключения Мэри Полпин и ее подопечных, волшебные фокусы и превращения, добрый юмор английской сказки оставили равнодушными несколько сотен ребят? Сам они, конечно, не могли ответить на этот вопрос.

Вот мнение известного критика, кандидата педагогических наук Н. Соловьевой, много лет занимающейся проблемами кукольного театра.

— Просмотр спектакля оставляет тягостное ощущение. В нем не расставлены даже смысловые акценты, события не отыграны, действующие лица не связаны внутренними отношениями, мимикой, отсутствием то, что Станиславский называл сверхзадачей и сквозным действием и без чего не может существовать искусство театра. Спектакль идет в одинаковом ритме, однообразны интонация, отсутствие юмор и то своеобразно английской речи, которое так удачно передано в переводе Б. Заходера. Массы технических ошибок в управлении куклами и игровыми предметами, грубые накладки в световом и звуковом оформлении. Подобное повторилось и на «Маленьком принце». И там долгая неконтактность, на этот раз с подростковой аудиторией.

Напрасно искать в Москве заметные следы деятельности этого коллектива, именуемого **Театром теней**: у него почти нет рекламы, нет программ. Не объясняется ли это нежеланием, помнящим о себе выжимает? Неблизко знакомство с ним началось после письма в редакцию, написанного группой актеров, с тажедом пожеланием коллектива. Волнение и тревога, звучавшие в нем, побуждали прийти на спектакли, познакомиться с исполнителями, с руководством.

Картина оказалась безрадостной. Театр находится в постоянных разъездах по Москве, по области. Своего постоянного, а значит, и своего зрителя нет. И «заделывающие» администраторы сверхдогода выступления в школе или в пионерском лагере, ничуть не заботясь о том, что показ теневых спектаклей требуют определенных условий, элементарной техники сцены. И ничего не поделялась, приходится играть, ведь план — 268 спектаклей в год. Не здесь ли начинаются творческие компромиссы, которые приводят к убогости, художественной слабости этих зрелищ.

В дни школьных каникул труппа разделяется на несколько групп, дает 2—3 спектакля в день, «прокручивает» очередную постановку, как сеансы в кино. Только успевая ухло-

вывать, распаковывать и переносить с места на место кукол, декорации, подаетеи, а делаются это все сами исполнители. Естественно, такая работа не приносит удовлетворения актерам, от этого страдают и зрители.

И играют-то по большей части старые спектакли, те, что технически полнораз и требуют минимума участников. Не оттого ли «Маленький принц», постановку, которую театр считает своей принципиальной, программной работой, за два года сыграны всего 15 раз? Но, пожалуй, самые большие трудности театра связаны с отсутствием квалифицированных творческих кадров. Актеров для теневого театра никто не готовит. Даже профессионально кукольному нужно достаточно долгое время, чтобы овладеть новой техникой. И не случайно главный режиссер театра Л. Машлятин мечтает хотя бы о небольшой студийной группе.

Мизерна и смета постановочных расходов. Она не может обеспечить заказ нового репертуара, изготовление декораций, кукол. Не удивительно, что постановка двух новых спектаклей в год, предусмотренных планом, давно уже не выполняется. Средства едва хватает, чтобы хоть как-то поддерживать жизнь старых постановок. Да и производственной базы у театра по существу нет — нельзя же асфальт рассчитывать на мастерские, в которых работают три человека. Два года назад Министерство культуры РСФСР тарифицировало этот коллектив как самостоятельный театр. Только почти ничего в связи с этим не изменилось — ни организационно, ни творчески. Так и остался он труппой Москонцерта. И правы авторы письма, утверждая, что сегодня возможности этого уникального, единственного в стране коллектива используются едва ли на одну четверть.

— А было все по-другому. Театр этот знал лучшие дни. Что же это такое — театр теней?

«Пластика теневого куколки, писал один из его основателей и художественных руководителей коллектива Эмил Мэд, — поразительно извращена с эстетической точки зрения. Искусство теневого театра крикливо в лучшем смысле слова. Оущение зрителем живого человека за экраном создается искусственным рождением каждого спектакля, его некую чудотворность — в этом и есть, пожалуй, основное отличие театра теней от всемогущей, но механической мультипликации. Наверное, такая оценка этого вида театрального искусства позволяет чуть более подробно коснуться истории театра. Это поможет высветить нынешнее его положение.

Пионером теневого театра был талантливый художник Е. Зонинштейн, с именем которого связаны все спектакли до 1958 года. Лучшими своими постановками театр обязан режиссерам С. Свободиной, С. Гальперину, В. Королёву, Б. Плетневу, В. Тихвицкому,

художникам В. Лоскуну, А. Тарасову, Н. Целикову. На Всесоюзном фестивале театров в 1957 году Театр теней был удостоен диплома I-й степени, а на Всемирной выставке в Брюсселе — серебряной медали. Тогда искусство коллектива получило международное признание. В театр полетели письма из ряда стран с просьбой рассказать об опыте работы, высказать литературу и проспекты...

Но атмосфера влюбленности в уникальное искусство, творческой честности и сдержанности, разрушилась с уходом подлинников. Точ задавать стало некому. И вот к чему пришел театр сегодня. Уже семь лет не едит он на гастроли по стране — не с чем. По этой же причине не участвует и во Всесоюзном смотре детских и кукольных театров.

Отсутствие интересной работы, серьезных творческих перспектив — вот что в первую очередь вызывает неудовлетворенность в коллективе. И тут возникает еще одна немаловажная проблема. Известно, что там, где нет места подлинному творчеству, создается нездоровая обстановка. Этот закон не обошел стороной и Театр теней. Разлад, а точнее, распад, в котором оказался творческий коллектив, и был причиной письма в редакцию, авторы которого вступили в конфликт с руководством театра.

О директоре и художественном руководителе коллектива А. Климовой заслуженно сложилось мнение как об энергичном, «пробивном» руководителе. Добрых двадцать лет стоит она здесь у руля. Именно ей театр обязан тем, что получила свою базу хотя бы для ряда репетиций, для подсобных цехов. Уставом ее работы легким назовешь: отсутствие транспорта, постоянный поиск площадок для выступлений, сложности с аппаратурой и дефицитными материалами для конструкции кукол, вечные неурядицы, связанные со срывом графика, замедленной актеров...

В подобной ситуации уже сам стаж работы руководителя берет форму надежного авторитета. Может быть, отсюда и та полная власть, которую Москконцерт, в чьем ведении находится театр теней, охотно доверил А. Климовой?

Павелера в свою непогрешимость, директор проявляет нетерпимость и критике, всякое неудовольствие состоянием дел расценивает как подлый авторитаризм руководства. В театре стало нормой извращаться, от возмущителей спокойствия, не очень затрудняя себя выбором средств.

Один его пример. Дерзнул, скажем, выступить с критикой актер театра В. Алева — его уволили. И хотя Сокольнический народный суд восстановил актера на работе и вынес решение возместить с Москконцерта деньги за «вынужденный прогул», В. Алева не смог оставаться в театре.

Вообще же техника кадровая здесь постоянная. Объясняется она трудными условиями работы. Но дело не только в этом.

Немало было и таких, кто покинул труппу из-за постоянных конфликтов с руководством. И то происходит в коллективе, испытывающем хроническую нужду в квалифицированных людях!

Истории уволенный сходит между собой: человек приходит в театр, тратит несколько лет, чтобы постичь его особенности, найти в нем себя, и постепенно начинает протестовать, как люди здесь дела. Когда же он пытается заговорить об этом во всеулышание, его постигает печальная участь кандидата на увольнение.

«Мы ourselves себя работающими не в советском театре, а в частной антрепризе. Функции художественного совета сведены к посещению кабинета директора и выслушиванию ее указаний», — пишут актеры в своем письме в редакцию. Об этом же они говорили и на отчетно-выборном профсоюзном собрании. Результаты не замедлили сказаться. Авторам письма еще до разбора их жалобы было предложено уйти «по-хорошему».

В том, что происходит сегодня в Театре теней, во многом повинно и руководство Москконцерта. Ведь для его дирекции и партийной организации не может быть секретом неудовлетворительные творческие итоги, неблагополучный моральный климат в коллективе. Однако никаких действенных мер для того, чтобы исправить положение, до сих пор не предпринято.

В этой связи возникает более общая проблема: способен ли в принципе Москконцерт увидеть там, в сущности, чуждыми для него самостоятельными театральными организациями? По существу, Москконцерт больше прокатывал уже готовые номера, чем ведет планомерную и последовательную работу с кадрами из артистов. Нельзя так руководить театром. Вот он и оказался в обеспокоенном положении, как каменной стена, как сказала нам художественный руководитель детского отдела М. Фабрициевич. Детские организационные и творческие вопросы годками оседают без ответа. Взять хотя бы такой, как переноса громоздкой аппаратуры, подготовка спектаклей случайных, часто совсем негодных помещений. Все это ложится на плечи самих актеров, никакой дополнительной оплаты они не получают. Здесь их положение оказывается даже хуже, чем во многих других коллективах Москконцерта.

Пришла пора изменить сами организационные принципы существования таких передвижных театров. И здесь должно, наконец, сказать свое слово Главному управлению культуры Москвы РСФСР.

А пока от всех этих внутренних неурядиц страдает прежде всего зритель.

Н. МИЗЕНЧИКОВА,
Е. СЕМЕНОВ.